

МАРИНА

МАРИНА
АЛЕКСАНДРОВА

РИНА

ПРОЕКТ
АЛЕКСАНДРА ОЛЕШКО

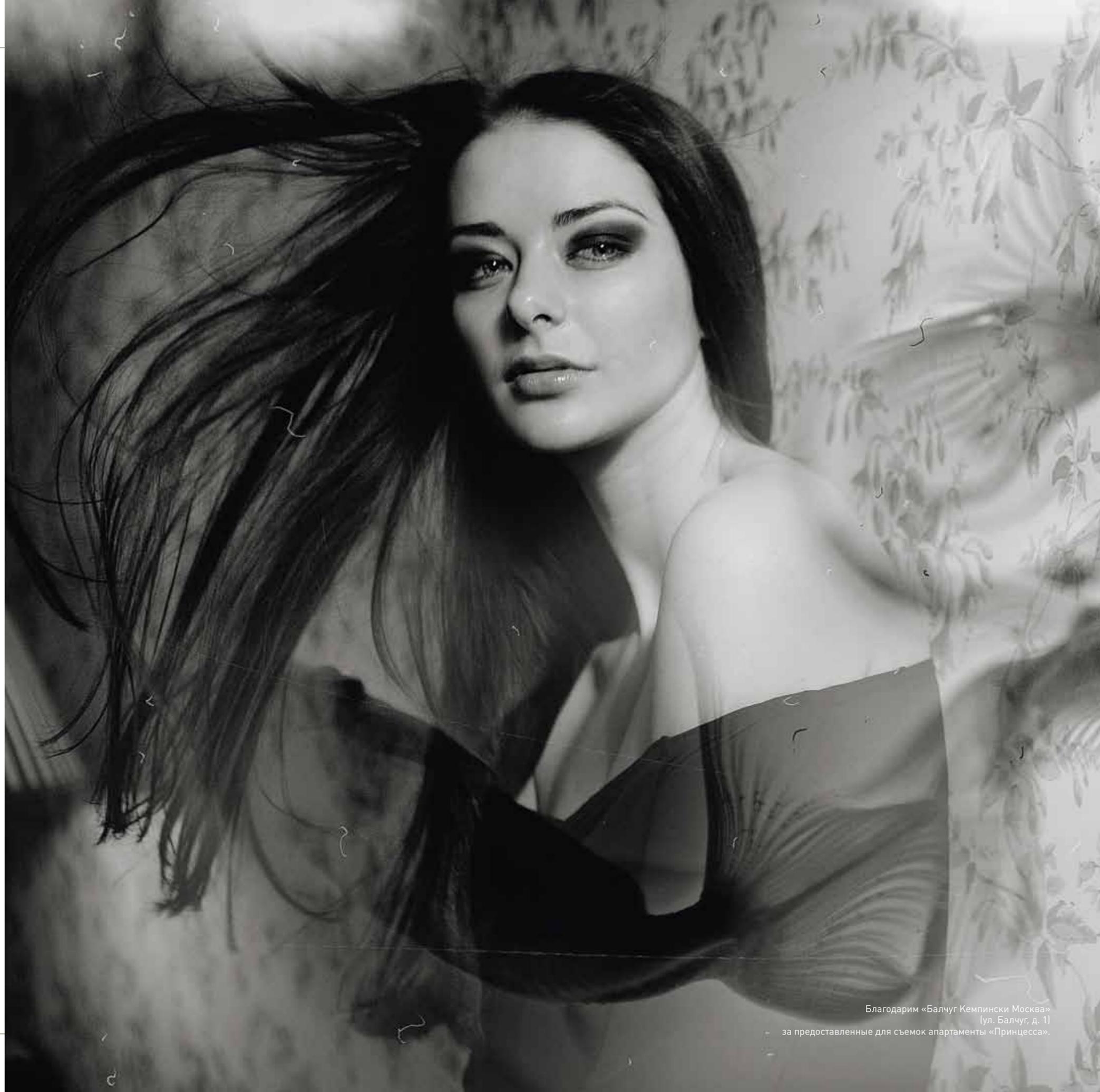
**Она нарядней и красивей
всех Марин...
(строчка из песни 60-х)**

Напевая эту песню, пролистав с десяток журналов и выписав на листок бумаги около сорока восторженных, гневных, умилительных, вообще очень разных эпитетов в адрес Александровой, решил, что пора поговорить с ней. Тем более что в театре «Современник», где живет творчеством и блистает несравненная Марина Неелова, у новой звезды Марины Александровой состоялась большая премьера. Станет ли Марина новым символом «Современника» – главный вопрос критиков и зрителей. Познакомимся поближе.

Я хочу попробовать сделать интервью с тобой, в котором будут отсутствовать мужчины. Только ты скажи мне, это вообще в принципе возможно или нет?

Да.

**ФОТО: АНДРЕЙ ДАВЫДОВСКИЙ
МЕЙК-АП: ВЛАДИМИР МЕДВЕДЕВ**

Благодарим «Балчуг Кемпински Москва»
(ул. Балчуг, д. 1)
за предоставленные для съемок апартаменты «Принцесса».

ЖЕНЩИНЫ,
КОТОРЫХ
МЫ
ЛЮБИМ

Когда я смотрю телевизионные передачи, в которых фигурирует Александрова – прямая ассоциация: вокруг толпа мужчин известных, неизвестных и бесконечные разговоры о том, как, чего, откуда она ушла-пришла.

Вот не поверишь, бывают вечера, когда я даже не знаю, куда пойти и с кем. Это иллюзия, что меня окружают толпы. Да, возможно, я произвожу такое впечатление, что мне не дают выйти из дома поклонники, что весь подъезд цветами завален, но все это неправда.

Ты можешь обойтись без мужчин? Можешь представить себе ситуацию страшную, что ты одна? Так же бывает на самом деле: вот актриса или просто девушка красивая, успешная, талантливая, а у нее нет рядом того человека, которому бы она сказала: «Я люблю тебя». И слышать она не хочет от кого бы то ни было, а хочет от какого-то особенного.

Да.

А этого особенного нет...

Я была в жизни в такой ситуации, и ничего страшного в этом нет. Но я не могу обойтись без мужчин, в моей жизни всегда был и есть папа. Это очень важно. И поэтому, наверное, мне легко с мужчинами, а им легко со мной. И в этом смысле мы как-то очень друг друга понимаем, потому что у меня с детства рядом такой потрясающий человек, как папа. Видишь, хотел разговор без мужчин, а все равно получается о мужчинах.

ЛЮБЛЮ МАМИН ПОЦЕЛУЙ И ПАПИН ВЗГЛЯД НА НАС, ЛЮБЛЮ ПРОСЫПАТЬСЯ С ЛЮБИМЫМ МУЖЧИНОЙ, У НЕГО НА ПЛЕЧЕ, И ВСТРЕЧАТЬ РАССВЕТ.

Да, да. У меня не получится так.

Так что же, женщина выбирает себе мужчину, похожего на папу, как в данном случае? Они у тебя все похожи на папу?

Нет, не похожи. Но какие-то черты, конечно, есть. Но мне абсолютно все мужчины говорят: «Ты не ищи такого, как папа. Это исключение».

Есть такое выражение: «девочка-мальчик» или «девочка внутри мальчик», или «девочка как мальчик». Вот ты кто – «девочка-девочка», или в тебе есть какие-то мужские качества? Понимаешь, о чем я говорю?

Да, понимаю. Я не «девочка-мальчик», я «женщина-мужчина», скорее так. Во мне есть абсолютно точно и женственность, и я люблю женское, но при этом у меня есть мужская сила и целеустремленность, этакая мужская пробивная способность.

Это касается какой-то работы только?

Вообще по жизни. Я могу спокойно в 7 утра выяснять по телефону, как мне эвакуировать машину – не свою причем, а чужую, которой меня заперли, – а мне надо срочно в аэропорт. И за полчаса я нахожу всех: на кого зарегистрирована машина, где найти эвакуатор и т. д.

То есть ты не пропадешь?

Нет, в этом смысле нет. И, конечно, моя жизнь не

строится по принципу, что кто-то за меня все решает и за меня делает. Нет, я по жизни, наверное, возлагаю на свои плечи больше, чем нужно. Но где-то надо расслабиться и быть именно женщиной.

Хорошо. В XXI веке девушка-актриса – это как? Это интересно, сложно, ответственно, прикольно, как говорят, временно, на всю жизнь, это то, без чего ты жить не можешь? Выбери из этого свой вариант, ты же не просто актриса, а узнаваемая, популярная, в каких-то историях скандальная, талантливая, неожиданная – видишь, сколько эпитетов-то! Или ты вообще про это не думаешь?

Нет, я думаю об этом. Я не могу сказать, что без этого не могу жить. Все равно в первую очередь я остаюсь женщиной, у которой семья и дети на первом месте, как бы я ни хотела заниматься тем или иным делом. Для меня это очень ответственно. Актёрская профессия позволяет влиять на очень многих людей. Поэтому наша профессия в каком-то смысле может быть подлой, а может приносить невероятные блага, но не для себя, а для других. Например, та же Чулпан очень многое делает в своей профессии. Являясь публичным человеком, она, как мне кажется, может открыть для многих двери помощи.

А каков был мотив, когда ты решила поступать в театральный институт?

Не было никакого мотива, был интерес – что-то загадочное, неопознанное совершенно. И я не понимала, что это за профессия. Скажу честно, когда я поступила на первый

курс, то вообще не понимала, чем люди занимаются. Просто мне было так интересно, что я сказала однажды своему папе, который, кстати, был против: «Ну дай мне попробовать, чтобы в 70 лет я не говорила, что «я хотела быть актрисой и не пошла». Я лучше использую свой шанс. Пусть у меня не получится, но я буду своим звуком рассказывать: «Я пробовала, детки! Я пробовала, у меня не получилось». Лучше уж попытаться счастье, нежели потом жалеть. Я вообще считаю, что жалеть об упущенных шансах – это ад. Мне кажется, в аду мы будем именно не гореть, а страдать из-за нереализации своих возможностей. Поэтому мне дико хочется многое успеть в этой жизни: выучить как минимум пять языков, родить как минимум троих детей.

У тебя дети есть?

Нет.

А языки уже знаешь какие-то?

Знаю английский и вот пытаюсь учить французский. Мне очень хочется. Я знаю, например, что Сэм Мендес поставил спектакль «Шторм» в ВАРМ (Бруклинская театральная академия музыки) по Шекспиру. Я дико хочу успеть слетать в Нью-Йорк. Я хочу попасть на Эйфману и уже заказала билеты, чтобы полететь в Питер и посмотреть «Анну Каренину», «Евгения Онегина», потому что я была в каком-то невероятном восторге от «Красной

Жизели» Эйфмана. Я хочу посещать выставки, хочу летать в разные страны. Вот в этом, мне кажется, заключается какая-то возможность именно жить, а не существовать. Мне хочется встречать каких-то интересных людей, вести интересные разговоры, посещать чтецкие вечера – мне хочется каких-то таких вещей в жизни. Я понимаю, что тем самым, может быть, обделяю каких-то людей, не помогаю кому-то, как многие делают, не участвую в какой-то благотворительности и во всем остальном, но я не готова сейчас к этому, просто знаю, что не могу.

Когда ты поступала, я уже выпустился, но еще так не хотелось расставаться с Щукинским домом, что мы приходили, смотрели, кто следующий, как бы выбирали из толпы. И тебя тоже выбрали на третьем туре. Я помню, сказали: «Ну, вот она, да, какая-то такая, непохожая». Вот ты себя ощущаешь непохожей на других? Чувствуешь в себе какой-то особенный талант, наличие особенных качеств или какой-то красоты неземной? Или считаешь, что все то, что в твоей жизни произошло, – это приятная случайность. Или все-таки закономерность?

Я с детства чувствовала исключительность, потому что меня все любили. Я была первая внучка, любимая бабушкой, бабушкой и родителями. Меня любили фотографировать просто люди на улице, соседи со мной всегда очень любили общаться. Я была дико общительная, читала стихи, пела песни, танцевала. Наверное, как ребенок я вызывала всегда такое умиление, такую радость, когда куда-то входила. И сейчас, ты знаешь, наверное, это сохранилось. Вот именно та любовь, которая была с детства заложена в меня. И я в этом смысле не то что уверенный, но не сомневающийся человек. Если я чего-то хочу, то не буду искать путей к отступлению: «Может, у меня не получится? А может, это...»

Ты идешь и делаешь?

Я иду и делаю, да.

А если у тебя вдруг что-то получилось не совсем так, как ты хотела, ты себя как-то копаешь, самодеством занимаешься?

Да, и тяжело мне приходится в этом смысле, потому что могу себя съесть просто без остатка. Но ошибки тоже необходимы, чтобы на них учиться. Я пытаюсь вынести из них опыт.

Когда мы с тобой встретились на одном проекте, я задал тебе вопрос житейский: «Ну, как ты, Мариночка? Все снимаешься, снимаешься, а как же театр?» Ты ответила: «Нет, я в театре не работаю сейчас. Да и как-то про это не думаю». И вдруг вот проходит время, и...

Я кокетничала с тобой. Конечно, думаю об этом, потому что, сам понимаешь, театральное училище все-таки. Нас учат, нацеливаясь прежде всего на театральную профессию. Но так получилось, что с первого курса я начала сниматься, и кино пришло раньше, чем именно театр. Но я очень хотела в театр и очень, конечно, хотела работать в «Современнике».

А почему ты выбрала «Современник»?

Ты знаешь, просто я ходила во все театры, смотрела спектакли. Мы же со студенческим билетом могли ходить в любой театр. И я помню, что я очень много посмотрела в «Ленкоме», во МХАТе...

У меня, кстати, тоже сохранились входные со студенческих лет на спектакли, в которых я потом стал играть в театре. Это очень интересно.

В театре, да? И у меня тоже. Понимаешь, я видела «Три сестры», сидя где-то на галерке, а сейчас я выхожу в роли Наташи в «Трех сестрах» в спектакле Галины Борисовны. Помню, что в «Современнике» я ощутила какое-то дежавю – мне надо сюда вернуться. Вот это было четкое ощущение: я смотрела на сцену, сидя в зале, и чувствовала, что это мои стены.

Ты понимаешь, что являешься тем человеком, который, как бы берет эстафетную палочку у Нееловой, у Яковлевой, у прим театра?

Знаешь, как Янковский говорил? В буфете «Ленкома» – многие рассказывают эту историю – сидел и грустил. Его спрашивают: «Что, Олег Иванович, грустите?» Он говорит: «Да эстафетную палочку некому передать, никто не берет». Вообще как это – эстафетная палочка? Учиться у них – да, очень хочется.

А тебе задают вопросы вот эти глупые? Мне все время задают: «Как вам работаете с монстрами? А вам не страшно?» Я говорю: «Это вы Неелову монстром называете, Гафта монстром?» – «Ну хорошо, не монстры. Но вам не страшно?» Я удивляюсь: «Почему мне должно быть страшно? Они же нормальные люди!» – «Нет, ну они такие легенды!» Я говорю: «Ну почему легенды? Они еще живы и здоровы, они еще действующие артисты. Это, наоборот, приятно и ответственно». Вот ты как реагируешь на вопросы про Неелову? Тебе не страшно? Давай я тебе задам такой же глупый вопрос.

Ты знаешь, очень ответственно, да, но не страшно. Почему страшно?

Вы нормально общаетесь?

Да, мы с ней замечательно общаемся, и она мне дает какие-то советы или молчит, когда ей не нравится.

А какой-нибудь совет житейский, профессиональный, человеческий, женский, может быть, тебе дала Галина Борисовна? Она каждому из нас где-то когда-то случайно или специально бросала фразу, у каждого артиста есть такая фраза, с которой он живет и говорит: «Это мне Волчек сказала». Вот тебе что-нибудь она уже говорит?

Ты знаешь, она мне очень многое говорит. Помню, первый наш разговор, когда я только пришла в театр, мы обсуждали новый спектакль, и она мне сказала: «Вот все хорошо у тебя, ты мне нравишься. Ты хорошо ввела себя, в театре тебя приняли. Но эта вот желтая пресса – что же они тебя мучают, что они от тебя хотят?» Я говорю: «Галина Борисовна, я бы с удовольствием изменила эту ситуацию!» – «Не ходи никуда!»

Скажи, когда ты была студенткой, ты уже поняла, в чем прелесть, сложность, подводные камни, технология актерской профессии? Бывает, что только по окончании вуза вдруг начинаешь включаться в это. Когда у тебя это включение произошло: когда ты была студенткой или когда ты выпустилась из института?

Студенткой, когда я начала сниматься.

То есть благодаря тому, что ты работала. А какой-то план своей судьбы составляла в студенческие годы – когда и где будешь сниматься, играть, когда родишь детей и т.д.?

Нет, абсолютно. И я вообще не понимала, что со мной будет в этой профессии, как зарабатывать в ней деньги и что мне играть. То есть это все, конечно, с опытом приходит и определяется уже со временем. Не было у меня такого плана, который я должна была обязательно осуществить к такому-то возрасту, нет. Желания сыграть ту или иную роль возникали, да. Но мне кажется, что каждая роль приходит к тебе только тогда, когда ты к этому готов. Невозможно сказать в 17 лет: «Хочу сыграть Кармен» – и сыграть тут же. Это глупо очень, внутреннее с внешним не совпало бы совершенно. А ведь совпадение амплуа – это самое главное.

Кроме того, что ты хочешь слетать на премьеру такую-то, выучить языки, ты вообще объемно воспринимаешь этот мир? Объясню: например, политикой ты интересуешься?

Да.
В Интернете сидишь, читаешь? Тебя интересует, кто, например, стал президентом в Украине?

Да. Ты знаешь, мне дико все это интересно.
А есть какие-нибудь два-три сайта, на которые ты заходишь ежедневно?

Да, Yandex, потому что у меня там почта. Это, наверное, один из тех сайтов, на которые я захожу каждый день.

Я видел, как ты работаешь с фотографом: ты абсолютно гибкая, податливая, в хорошем смысле этого слова. Значит ли это, что ты можешь абсолютно довериться человеку, и он может взять тебя за руку и повести в любую сторону? При этом тебе потом не будет ни обидно, ни стыдно за результат.

В профессиональном смысле – да. Я – абсолютный пластилин, и мне так не хватает хороших режиссеров. Работая, допустим, с Галиной Борисовной или, например, с Римасом Туминасом, я просто лечу, потому как понимаю, что это совершенно другой ракурс видения этой профессии. И мне дают то, чего я вообще не знаю. Но это происходит тогда, когда тебя направляют, когда Римас может

тебя бросать буквально из огня да в полымя. Он тебе говорит: «Сегодня вы – конь с яйцами, а завтра вы – нимфетка». И это, конечно, шикарная возможность обнаружить в себе новые потаенные уголки.

Я тоже видел со стороны, как с тобой работают. Да, про- скальзывают слова: «Ой, котик, молодец! Ну-ка, зайка, встань сюда». Вот все эти «котики», «зайки» – ты нормально реагируешь, когда тебя так называют, уменьшительно-ласкательно? Или тебе все равно?

Знаешь, я не обращаю на это внимания. Если я вижу, что человек профессиональный, то в принципе это неважно. Главное – чтобы он не нарушал определенные границы.

А как тебе нравится, чтобы тебя называли?

Знаешь, я вообще люблю полные имена. У меня всегда в телефоне записано, например, «Ольга», не «Оля». Я всегда называю человека полным именем: Ольга, Елена, Янина, Александр.

Какие кинопредложения поступают талантливой, красивой, успешной Марине Александровой?

Разные. Мне сейчас нравится, что сменился ракурс предложений.

С какого на какой?

С девочек, голубых таких бебешек, как я называю...

Мне очень нравится слово «бебешка», потому что оно рифмуется с «Олешко». Олешко – бебешка.

Да, действительно. Из «бебешек» я перешла сейчас в разряд таких роковых стерв.

Это уже интересно, кстати, их же тоже нужно оправдать.

Мне дико интересно, дико. Во-первых, я нахожу, как их оправдать всегда. Но с другой стороны...

Стоп. А почему? Потому что ты сама стерва?

Мне кажется, в каждой женщине живет стерва.

За своего мужчину смогла бы дать кому-нибудь в лоб, что называется, лицо расцарапать?

В лоб – нет, не надо. Но отстоять свою территорию – да.

Есть предложения, от которых ты отказываешься?

Я имею в виду кинопредложения. Или, кстати, вообще предложения, от которых ты отказываешься.

Да, я не хожу в рестораны ужинать с незнакомыми людьми. И по части кинопредложений отказываю. У меня есть театр, есть какие-то высокие возможности. Представляете, вот я говорю языком Достоевского, Ремарка или Чехова, и вдруг мне приносят как-то непонятный сценарий. Я отвечаю: «Знаете, у меня есть возможность делать что-то более приятное в своей жизни». Поэтому, конечно, бывают предложения, от которых приходится отказываться.

Современные актрисы дружат друг с другом?

Да. Мы, например, очень давно уже дружим с Ольгой Ломоносовой.

Мне очень приятно, потому что я с ней тоже в хороших отношениях.

Ольга – один из моих самых близких друзей, именно друзей, а не подруг. И я знаю, что, будь у нее какие-то проблемы или, наоборот, радости, или у меня в жизни, то мы друг друга всегда поддержим и всегда порадует друг за друга, в любое время.

А есть ли актриса – ты можешь не называть, конечно же, ее фамилию – кто, не то чтобы тебе переходит дорогу, а, что называется, идет с тобой рядом? Она в чем-то на тебя похожа, у вас схожие амплуа, или, быть может, ей достаются те роли, которые ты хотела бы сыграть. Или ты, собственно, не смотришь по сторонам, а идешь по своей дороге?

Я иду абсолютно по своей дороге. Однажды на мой возглас: «Вот ты представляешь, у нее вот так уже!» мама сказала замечательную вещь: «Маришка, каждому свое». И недаром я говорила, что роли приходят тогда, когда ты к ним готов. Мне кажется, зависть – один из самых больших грехов.

Есть ли или была ли какая-нибудь личность, даже не обязательно актриса, на которую тебе хотелось бы быть похожей?

Алиса Бруновна Фрейдлих.

Можешь объяснить чуть глубже, чем? Какими-то качествами, талантом, способом существования, внешностью, количеством ролей, судьбой?

Степенью внутреннего благородства, умением уважать себя и других везде, где бы она ни была, и умением быть открытой, но при этом полностью не разглашать все, что в тебе есть, наверное. Она мне дико нравится и как профессионал, и как человек, и как женщина.

А есть что-то, какая-то черта характера, какое-нибудь слово, жест, который ты у кого-то позаимствовала – не потому, что у тебя не было своего, а потому, что тебе понравилось?

Да, да, да.

Можешь сказать, или это секрет?

Ты знаешь, я вообще как обезьянка.

Я считаю, что это совершенно неплохо. Мне кажется, что так выкристаллизовывается личность: сегодня ты взял у этого человека жест, завтра у другого тебе понравилась мысль, поступок, и потом ты собираешь себя.

Говорят, что степень талантливости актера определяется количеством его штампов: чем больше штампов, тем талантливее.

Но я сейчас говорю даже не столько про профессию, сколько про жизнь.

В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СМЫСЛЕ Я – АБСОЛЮТНЫЙ ПЛАСТИЛИН, И МНЕ ТАК НЕ ХВАТАЕТ ХОРОШИХ РЕЖИССЕРОВ.

Ну да, да, да. Я очень люблю перенимать какие-то вещи. Побывав где-то за границей и пообщавшись с эмигрантами или с людьми, которые разговаривают на русском с акцентом, я тоже начинаю перенимать акцент. Я очень люблю акцент Лаймы Вайкуле, я прямо с ума схожу. Или акцент Дапкунайте Ингеборги. Или какой-то жест. Или, скажем, вижу человека, влюбляюсь в него как в личность – и мне нравится его манера разговаривать или манера подносить руки к лицу, или что-то такое. Это очень любопытно.

Продолжи фразу, и мы на этом закончим. «Моя жизнь – это...»

Это мама с папой.

Ути-пуси!

Ну да. Они меняли мою жизнь.

Хорошо. Ты семь лет училась в музыкальной школе. Какую мелодию тем людям, которые сейчас прочитали это интервью, поставить после прочтения для того, чтобы не только тебя, прочитав, понять, но и услышать через мелодию?

Ведь, знаешь, человек уходит, а после него должно остаться послевкусие – мелодия. Вот я знаю, что такое я, я могу тебе сказать.

Ну?

Это неожиданно, особенно для тех людей, которые видят во мне только клоуна. Я знаю стопроцентно, что я – второй концерт Рахманинова.

Господи, а я – «Вокализ» Рахманинова! 🎵

ЖЕНЩИНЫ, КОТОРЫХ МЫ ЛЮБИМ